

АСЯ КЕФЭ

ПЕСНЬ
КУЗНЕЧИКА

18+

Ася Кефэ

ПЕСНЬ КУЗНЕЧИКА

«Автор»

2026

Кефэ А.

ПЕСНЬ КУЗНЕЧИКА / А. Кефэ — «Автор», 2026

Старинный особняк, в котором по ночам скрипят половицы и шепчут портреты, и женщина, которая всю жизнь делает вид, что не слышит этих голосов. Анна выросла среди семейных легенд: о пропавшей прабабке, о проклятии на женский род, о том, что каждая женщина в их семье «несёт в себе чужую душу». Она в это не верит — пока цепь странных событий, снов и загадочных посланий не начинает рушить привычную жизнь. Ей мерещится в зеркале другая женщина с её лицом. Во снах Анна проживает чужие судьбы — своих прабабушек. Шаманка говорит о разорванной связи, подруга Алиса всё сильнее тянет одеяло на себя, а дом будто ждёт, когда хозяйка наконец признает то, от чего бежала: её жизнь — часть большого родового узора. «Песнь кузнечика» — мистическая семейная сага о женщинах одного рода и двух Аннах, разделённых мирами, но связанных судьбой. Это история о родовой памяти, женской силе, предательстве и прощении, о том, как найти себя, когда за твоей спиной стоят голоса всех, кто жил до тебя.

© Кефэ А., 2026

© Автор, 2026

Ася Кефэ

ПЕСНЬ КУЗНЕЧИКА

* Все совпадения в романе с жившими или ныне живущими – случайность

*«В земные страсти вовлеченный,
Я знаю, что из тьмы на свет,
Сойдет однажды ангел черный,
И крикнет, что спасенья нет.*

*Но простодушный, и несмелый,
Прекрасный, как благая весть
Идущий следом ангел белый
Прошепчет, что надежда есть». Б.Ш. Окуджава*

Песнь кузнечика

Глава 1

В этом году урожай красной смородины выдался как никогда. Давно такого не было. Ветки кустов, плотно усеянные кроваво-красными ягодами, под их тяжестью тянулись к земле, словно прося: «соберите нас поскорей».

– Ну и что мне со всем этим делать, – тяжело вздохнула Анна, окинув раскидистые кусты.
– Ну я же вас просила! Не надо мне урожая, – обращаясь к кустам проговорила Анна.

Весной, приезжая на дачу, она всегда разговаривала с деревьями и кустарниками, но они ее не слушались. Она сердилась и в очередной раз грозилась, что в следующем году уж точно их срубят, если они не одумаются и будут продолжать приносить столько урожая.

Деревья будто знали, что Анна не решится воплотить свои угрозы и продолжали плодоносить. И если у всех соседей деревья зрели через год, то у Анны – каждый год. Как правило, кусты отживали свой век, их выкапывали и сажали новые, но у Анны они продолжали расти и куститься, словно дразня свою хозяйку: «мы можем, мы можем, мы можем».

Анна сама не понимала, зачем она каждый год собирает урожай. Она просто знала, что надо: так делали все женщины, которые жили в этом доме раньше. Поэтому каждый год она, вначале с бабушкой, потом одна – собирала урожай, а затем просто отдавала его на работе коллегам.

«Ну что голубушка, лениться приехала, или делом займешься»? – нашептывали кусты голосом давно ушедшей в иной мир бабушки Полины.

– Займусь, займусь, мне же больше делать нечего, как смородину собирать, – буркнула Анна себе под нос, устроившись на маленькой табуретке с бидоном в руках.

Вдруг Анна уловила неясно откуда доносящийся запах детства. Запах был очень манящим. Она даже облизнула губы, словно пытаясь понять, а действительно ли это они, те самые – сырники из ее детства. Таких сырников не мог делать никто. И по прошествии многих лет, рецепт так и не удалось отыскать. То, что готовили в ресторанах или она сама, ну никак не тянуло на «те самые» бабушкины сырники.

– Надо на чердак залезть, – вдруг подумала Анна, – я же туда так и не добралась, – она глубоко вздохнула, словно останавливая поток воспоминаний, – может тетрадь с рецептами

бабушки Полины где-то в коробках на чердаке и найдется. Да и весь старый хлам пора разобрать, – решила Анна, продолжая четкими и умелыми движениями срывать ягоды смородины.

В этот момент телефон выпал из кармана сарафана и, упав в густую траву, издал сигнал сообщения.

– Привет, – отправитель не был в списке контактов Анны.

– Что делаешь? – следом упало второе сообщение.

Анна даже оглянулась по сторонам, вдруг кто из соседей за ней действительно сейчас наблюдает. Но высокий забор и густая растительность ее полностью скрывали от посторонних.

Женщина хотела сразу заблокировать непрошенного абонента, но следующее сообщение ее остановило.

– Мы раньше не встречались и не общались. Я не знаю, откуда у меня твой номер. Я чистил контакты. Когда хотел удалить твой номер, телефон выпал из рук и завис на твоей аватарке. Не подумай, что я псих. Но я просто взял и написал, не зная, что написать еще.

Глава 2

– Алиска, если это ты, я на тебя обижусь по-настоящему. Что ты опять задумала? – голос Анны был возмущенным.

– Ань, брр, стоп подруга, что за наезды? Ты о чем? Хоть «привет» сказала бы для приличия. У тебя все в порядке? – голос Алиски звучал спокойно и в нем не чувствовалось скрытых уловок.

Аня и Алиса дружили с раннего детства. Других подруг, которые могли бы с кем-то познакомиться, у Анны не было, поэтому проскочила мысль, что «Неизвестный для поговорить», как его вначале окрестила Анна, был послан именно Алисой.

– Ладно, извини. Привет, – более спокойно проговорила Анна. – Мне тут странное сообщение пришло. Предлагают поговорить.

– Я, надеюсь, ты отвечать не стала?

– Ну нет конечно, я что, совсем дура? Я просто подумала, может ты так решила меня с кем-то в очередной раз познакомиться.

– Аня, мы же договорились, что я знакомлю тебя только по утверждённым кандидатам и согласованным с тобой способом. Ты уж извини, подруга, но в последний раз мне долго пришлось уговаривать потенциального кандидата не сообщать никуда о моей придурочной подружке, так что я давно пас.

– Слушай, ну правда, мне стыдно за тот раз. Алис, но я правда не виновата, это он сам, – Анна улыбнулась. Тот случай действительно вышел мало приятным, хоть и не очень помнила подробности. Она только помнила, что сидит в ресторане, напротив нее незнакомый мужик в костюме, одной рукой поднимает бокал, другой гладит ее по коленке. Банальный сюжет. Но вот зачем она вылила ему в лицо шампанское, она так и не могла объяснить. – Но ты не ответила, ты правда ко мне никого не подсылала, никому не показывала мои фото, не рассказывала о том, какая я прекрасная и чудесная, и буду звездой пленительного счастья для очередного болвана?

– Так, Ань, а вот сейчас я обижусь. Я тебе болванов вообще-то не отправляла. Все были милыми и порядочными. А самое главное, не женатыми и хотели отношений, в отличии от твоего, прости Аня, но реального болвана. Ладно, давай не про это, – смягчая напор в голосе, продолжила Алиса, – Рассказывай лучше, что там тебе этот неизвестный прислал?

– Да ничего. Просто написал, что мы не знакомы, он меня не видел, но захотел со мной поговорить. А я сразу тебе стала звонить.

– Ну главное, что не стала отвечать. Заблокируй его и в голову не бери. Сейчас ненормальных кругом полно. Слушай, мне сейчас не очень удобно говорить. Я тебя целую, будь

умницей, с чужими дядьками на улице не разговаривай и чмоки-чмоки, обняла, я побежала, на связи, дарлинг, завтра созвонимся. И Алиска, не дожидаясь ответа подруги, отключилась.

Алиса была старше Анны. Та всегда поучала Анну, где -то подтрунивала над ней, где -то оберегала, и всегда была готова выслушать, когда той было плохо. И Анна относилась к Алисе как к сестре, готова была точно также прийти на помощь и была благодарна судьбе, что мать Алисы когда-то работала у них дома и девочка часто пропадала у них.

Советы Алисы всегда были как нельзя кстати, но почему-то сегодня ей были не приятны упоминания про провалы в отношениях с мужчинами. Ну да, у нее нет нормальных отношений. Все мимолётные романы заканчивались одинаково – слезами и подтверждением того, что у всех все хорошо, кроме нее. Но это не значит, что она не заслуживает счастья, и все однажды сложится.

Анна посмотрела на экран телефона, собираясь заблокировать неизвестный номер, а потом открыла сообщение и сохранила адресата как «Мистер Х».

– И пусть это будет мой собственный секрет, – проговорила Анна, откладывая телефон в сторону, но экран вновь засветился.

– Спасибо тебе.

– ?

– Просто спасибо тебе! И хорошего вечера, – прилетело вдогонку.

– Вам тоже хорошего вечера, – ответила Анна и пошла собираться домой в Москву.

Старый дом смотрел ей вслед своими зашторенными окнами, а деревья зашелестели листвою, словно говоря вслед: «Приезжай, приезжай, мы ждем тебя, тебя, тебя».

Глава 3

– Я спать хочу, не хочу вставать, – промямлила Анна себе под нос, пытаясь разлепить слипшиеся от глубокого сна глаза.

Она механически нажала на кнопку «отменить» и повернулась на другой бок. В конце концов, она так давно вкалывает на своей работе, что работа может чуть-чуть подождать.

Анна проснулась от противного звонка. Почему она раньше не замечала, что ее телефон так противно звенит?

На часах было 11.30.

За все время своей карьеры это был первый раз, когда Анна проспала работу: пришлось срочно натягивать вчерашние джинсы, пиджак, а волосы – в пучок.

«Ну и что, что понедельник, когда-то и безупречная может позволить себе расслабиться и забыть про офисный стиль», – подумала она, состроив рожицу своему отражению в зеркале.

Московский понедельник не сильно отличался от остальных дней недели: бесконечная череда машин на дорогах и масса вечно спешащих куда-то людей.

– Да что же это такое! Вы сегодня все проспали? Вам уже на работе давно пора быть, а не тут толпиться! – возмущалась Анна, стоя в пробке.

Телефонный звонок прервал поток ее возмущений.

– Да, я еду, мне еще минут тридцать ехать. Стас, ну что я могу сделать? – Анна пыталась возражать абоненту на другом конце телефона. – Ну не сердись, я утром плохо себя чувствовала, голова болела, выпила таблетку и уснула, не слышала будильник, – пыталась она приукрасить причину своего опоздания и унять поток недовольства на другом конце провода.

«Стас видимо в выходные опять с женой поругался, вот теперь и сливает весь негатив на меня», – подумала Анна, заезжая на офисную парковку. – Ладно, пошумит и перестанет, – Анна давно работала со Стасом, а их давняя дружба позволяла знать все его проблемы из первых уст. Стас был часто несдержанным, мог быть жестким, и он был тем самым болваном, о котором говорила Алиса.

– Алиса, ну ты же все сама знаешь, чего ты ко мне цепляешься? Ну да, пусть болван, но зато мы с ним три года вместе.

– Что «вместе»? Периодически удовлетворяешь его потребности на работе? Ты в своем уме? Я правда тебя не узнаю. Что ты в этом борове нашла? Аня, ты же не была такой!

– Алиса, какой? У тебя с твоей личной жизнью все хорошо, а у меня постоянный провал. Ты об этом в курсе. Чего опять про это говорить? Ну не складываются у меня отношения с противоположным полом от слова совсем. А это хоть как -то похоже на какие-то отношения.

– Аня, ты себя слышишь? Как-то похоже? Да никак это ни на что не похоже. Это похоже на то, что твой Стас хорошо устроился. Дома жена, на работе любовница. Да еще и любовница, которая ничего не требует. Он же тебя никуда не водит, не вывозит, он даже подарков тебе не дарит! Ты в своем уме? Аня, я действительно тебя не понимаю! Вот Полины Петровны на тебя нет, быстро бы мозги тебе прочистила.

Бабку Полину побаивалось все ее окружение.

Никто толком не знал откуда она, кто ее родители и чем она занималась. Как будто просто в одно мгновение она появилась из ниоткуда и стала бабушкой Полиной, статной дамой неопределенных лет, которая уже не первый десяток словно законсервировалась в этом состоянии. Ольга Петровна боялась свою мать. Да и внучка Тамара, которую уже тоже называли по имени отчеству, побаивалась свою бабуку. Но вот Анне ее не хватало....

Офис кипел своей обычной жизнью: кто-то пил кофе, кто-то активно изображал переговоры, кто-то упорно смотрел в компьютер.

«Все как всегда. Ничего не меняется. Никто никому не нужен. Дежурные улыбки и слова. Люди приходят, уходят, какой-то бесконечный бег по кругу», – мрачно подумала Анна, проходя по коридорам в направлении к своему кабинету.

– Анна Петровна, – обратилась к ней Людочка, секретарша генерального, когда она проходила мимо кабинета шефа, – вас просили зайти, когда придёте, – в голосе секретарши звучали фальшивые сладкие нотки. Весь ее вид раздражал Анну.

«Странно, я раньше не замечала, какой у нее приторный и писклявый голос», – подумала Анна, а вслух произнесла:

– Знаю, – и прошла мимо в свой кабинет, плотно прикрыв за собой дверь, словно пытаюсь спрятаться от посторонних глаз.

Ей сегодня казалось, что все очень пристально ее разглядывают, как будто они что-то знают, чего не знает она. Она давно привыкла жить в террариуме среди офисного планктона, поэтому точно могла определить, когда в офисе что-то происходило или только собирается произойти. Как раз сегодня она поймала это ощущение гадливости и неискоренённого притворства. Никто еще ничего не сказал, но в воздухе уже повисло ожидание наблюдавших из своих загонів сотрудинок, жадных до сплетен.

– Ты меня долго будешь игнорировать? – голос шефа вывел Анну из задумчивости. Голос звучал раздраженно, даже зло.

Тот стоял у окна и что-то сосредоточенно разглядывал. Так бывало, когда ему нужно было сообщить что-то важное.

– Слушай, без обид, но что-то похоже ты не очень справляешься со своими обязанностями. Я давно хотел с тобой об этом поговорить, но как-то откладывал, думал, сама поймешь и сделаешь выводы, – Стас не любил все эти разговоры, обычно этим в компании доводилось заниматься Анне.

– Что произошло? – как можно спокойней произнесла Анна.

– Не строй из себя дуру, – резко произнес Стас.

– Я действительно не понимаю, что произошло, но, судя по всему, ты хочешь, чтобы я написала заявление об уходе?

Сказанная фраза прозвучала даже не вопросом, а констатацией факта.

Анна понимала, когда-то придет ее черед. Сколько раз она произносила перед зеркалом свою прощальную речь...

– Коллеги, я долго думала, что сказать перед тем, как закрою сейчас эту дверь и надеюсь, никого из вас больше не увижу. Вы кичливое, ничемное сборище подхалимов. Вы готовы предать, подставить, забыть. Вы готовы промолчать, чтобы сохранить свой бонус. И я вас понимаю, каждый из вас расскажет о том, почему ему так важна его зарплата и почему он промолчит. Я такая же. Я так же молчала. А сейчас рада тому, что уйду и могу громко сказать: мы никто, мы ничего не делаем, мы раздуваем свою значимость сидя на совещаниях. И буду ли на этом совещании я или кто-то другой, ровным счетом ничего не изменится. Мы маленькие болтики странного и ужасного механизма. Мы все – ничто и никто. И я просто безумно рада тому, что я наконец-то могу дышать, говорить то, о чем думаю, могу всех вас послать далеко и громко хлопнуть дверью.

Анна глубоко вздохнула. Она знала, что так она не скажет и ее прощальная речь будет такой же приторно-противной, как и голос секретарши Людочки:

– Коллеги, я благодарна каждому из вас, кто поддерживал меня, кто был со мной рядом эти годы. Мы росли вместе, делая компанию сильнее, мы поддерживали друг друга. Вы все специалисты, с которыми иногда сложно, но в тоже время очень легко, мы все решали одну большую задачу, и каждому из вас я хочу сказать спасибо. Спасибо за то, что все мы работали как одно целое. Я всем вам желаю успехов и буду рада слышать каждого из вас.

Интересно, а если бы у нее хватило сил действительно сказать все то, что она думает? О компании, о сотрудниках, о Стасе? Как бы они тогда себя чувствовали?

Анна задумалась и повернула голову к открытому окну, которое обычно было закрыто. Из окна повеяло запахом только что стриженной газонной травы.

Запах медленно пробирался в помещение, забирался в ноздри, словно приглашая: «Пошли гулять, Аня».

– Тетя Тамара, а Аня пойдет гулять? – звенит в ушах звонкий детский голос.

– Вам бы все гулять и гулять, – в голосе матери хоть и есть нотки упрека, но Аня знает, что та не против. Но пройти воспитательный процесс нужно и поэтому она покорно ожидает, когда лекцию закончат. – Вот не успеете оглянуться, а все, времени и нет, что не прочитали сейчас, потом и не сможете. Что, думаете всем богатые мужья достанутся? Ой, девчонки, не надеялись бы вы на это. Сегодня мать говорила дольше обычного, Анна даже удивилась.

Анна не заметила, сколько времени была погружена в свои воспоминания. Ей казалось, что она отсутствовала долго. Но судя по речи Стаса прошло всего несколько секунд.

Она медленно подошла к Стасу и не отводя взгляда произнесла:

– Стас, а тебе никто не говорил, что ты скоро станешь совсем плешивым?

– Что? – опешил Стас

– Ничего, кроме того, что я сейчас сказала, – женщина подошла к нему совсем близко и, притянув за лацканы пиджака, прошипела, – ты плешивый облезлый кот, который не пропускает ни одной юбки. Ты три года имел меня и морально и физически, ты – большой ноль без палочки, так пусть теперь так и будет – Ноль!

Анна, отпустила руки, резко развернулась и, хлопнув дверью, вышла из кабинета генерального.

– Людок, слаба на передок, – голос Анны был низкий и глухой, – можешь зайти.

Людочка, опешив, прижалась к стенке под пронзительным взглядом женщины, которая вышла сейчас из кабинета генерального, и мало чем напоминала Анну Петровну, которая полчаса зашла в этот кабинет.

Глава 4

Часы показывали 11 часов 30 минут.

Анна заехала на офисную парковку и приложила пропуск. Дверь не открывалась.

– У меня пропуск не срабатывает, – обратилась Анна к охраннику на входе в офис.

– Анна Петровна, разве вы не уволились вчера? – охранник удивленно смотрел на нее.

Он помнил, как она вчера прошла мимо него, посмотрев на него таким взглядом, что он прирос к своему месту. Стало как-то жутко от ее взгляда, который пробирался внутрь, словно пытаясь там что-то отыскать, оставляя за собой холодные следы мурашек на всем теле.

Страх диктовал отодвинуться подальше от нее. Но сегодня подобных ощущений не было.

«Надо же, что навдумывать-то можно», – думал он, глядя на стоящую перед ним эту обычную серую офисную мышь, одну из тех, кто проходит мимо каждый день, без имени и без лица.

– Не поняла. Я не увольнялась вчера. Вы что-то путаете. Вчера было воскресенье. Пропустите меня, – резко произнесла Анна. —Если вы больны, то я нет, – добавила она.

– Анна Петровна, сегодня вторник. И впустить я вас не могу. Приказ у меня вас не впускать, – охранник пытался быть вежливым. Мало ли что у этого руководства на уме. Сегодня уволилась, завтра тебя уволит.

Анна заметила календарь на стойке. Вторник.

– Вы издеваетесь? Какой вторник? Сегодня понедельник!

Она точно знала, что сегодня понедельник: вчера она была на даче, собирала смородину, сегодня проспала и пришла на работу.

Охранник достал телефон и протянул ей экраном вверх: вторник.

Анна достала свой мобильный телефон – вторник.

– Я не понимаю, – прошептала Анна, обхватив голову руками.

– Ну все бывает, может, переработали. Анна Петровна, идите домой. Я не могу вас пропустить.

Анна машинально стала набирать Стаса, но по звонку было понятно, что он ее заблокировал.

Она медленно побрела в сторону сквера и присела на лавку. Набрала свою помощницу, та скинула звонок.

«Что происходит?» —сотня маленьких молоточков стучали у нее в голове.

Телефон завибрировал в кармане.

– Анна Петровна, не обижайтесь не меня. Вы хорошая, помогали мне, но поймите, мне нужна работа, я не могу ее потерять. Нам запретили с вами разговаривать.

– Маша, подожди, я ничего не понимаю, поясни, что произошло, кто запретил, почему?

– Я не знаю, что точно произошло. Вы вчера очень сильно поругались с шефом. Собрали вещи и ушли. Он так после этого орал. Потом приказал вас везде вычеркнуть. Людочка сказала, что вы даже ее оскорбили. А что там на самом деле было, никто не знает. Вы простите меня, не звоните мне больше. – Машенька положила трубку.

Анна смотрела на погасший экран. Сколько хорошего она сделала для сотрудников и для этой Машеньки в частности. А сейчас – не звоните, мы вас вычеркнули.

«Да что же черт возьми вчера произошло, почему так болит голова и почему так воняет скошенной травой?» – Анна пыталась сосредоточиться, но мысли путались.

Телефон засветился новым сообщением

– Как дела?

– Плохо, – машинально написала Анна.

– Плохо от того, что не понимаешь, что делать, или просто плохо?

– Не знаю. Просто все плохо.

– Мы не знаем, что будет завтра. Мы не знаем, что будет на развилке выбора. Плохо или хорошо – понятия совершенно абстрактные. Для одного тут может быть плохо, а в другом месте для другого — хорошо. И наоборот. Не все можно оценить только как «плохо» или «хорошо».

– Я не просила вас появляться. Просто оставьте меня в покое, – уже хотелось заблокировать его номер, как веки стали тяжелыми, и накрыла волна усталости. Она, поджав ноги, свернулась клубочком на скамейке.

Глава 5

Анна проснулась вся в слезах.

Подушка была мокрая, нос едва дышал, а веки отяжелели от слез.

Внутри было пусто – бездонная, зияющая дыра, которая поглощала всё. Анна чувствовала, как в груди разверзлась бездна, и из нее тянутся холодные щупальца страха и отчаяния. Похожее состояние было у неё после похорон матери.

Из бездны одна за одной появлялись фразы:

– «Я не знаю, что будет дальше...»

– «Я ничего не хочу...»

– «Я боюсь...»

Слова звучали глухо, разносясь эхом в пустом доме. Внутри нее все сжалось, словно кто-то держит ее за сердце. Волна тошноты поднялась из глубины, охватывая все тело. Ноги и руки стали ватными. Спротивляться было трудно: словно вся энергия, вся жизнь, ушли, оставив только пустоту.

Она не помнила, когда в последний раз принимала таблетки. Может, это состояние— последствие отмены? Или просто обстоятельства так сложились...

Время будто растеклось, растворилось в тумане.

– Отстань, ты надоела мне, – прошептала она вслух кому-то невидимому.

– Что ты от меня хочешь? – продолжала она внутренний разговор. – Хочешь, чтобы я с тобой согласилась?

– Да, ты права, только хватит меня мучить своими нравочениями! – голос ее дрожал, словно в крике, который никто не слышит.

– Я – неудачница, я – ничего не могу, я – пустое место. Ты этого ждешь от меня?

Она закричала в пустоту:

– Что вы все хотите от меня?!

Гулкое эхо расплзлось по дому. Анна огляделась.

Она в старом доме, в старой байковой сорочке, которую она доставала только зимой, сидит на кровати.

Она огляделась: всё вокруг казалось знакомым и чужим одновременно, словно она оказалась в другом мире, где всё перевернулось. В воздухе висел запах скошенной травы, земли, и чего-то еще— запах забвения, усталости и безысходности.

– Как я оказалась дома? – подумала она. – Я же была в парке, на скамейке, мне писал мистер Х...

И снова тяжелая тень навалилась, словно тяжелая пелена, погружая ее в забытие. В голове – гул, как будто внутри всё трещит и разламывается, и далекое: «Пойдем гулять, пойдем гулять».

***

– Женщина, – видимо не в первый раз повторил кто-то за спиной и настойчиво потеревил за плечо.

Анна не сразу поняла, что обращение было направлено к ней.

«Женщина» – слово, которое она не любила, – оно звучало как приговор, как ярлык, подчеркивающий её слабость, усталость, безысходность. Образ женщины для нее был чем-то тяжелым, угрюмым и даже каким-то нарицательным, подчеркивающий, что у обладательницы этого звания должно быть все плохо.

–Женщина, – настойчиво повторил полицейский. – У вас все хорошо? Ровный голос человека в форме подействовал.

Анна сразу подобралась, опустила ноги со скамейки, протерла глаза, понимая, что лицо все мокрое от слез, и, всхлипнув, ответила:

– Да, товарищ полицейский. Она сжала зубы, собираясь что-то добавить, но в этот момент почувствовала, как невидимый груз давит на плечи, а слезы, словно волны, рвутся наружу.

Полицейский внимательно посмотрел на нее, словно сканируя ее состояние.

–Женщина, – более требовательно и настойчиво повторил он, —если ничего не случилось, то вы все-таки заканчивайте тут сидеть. Езжайте лучше домой...

Он вздохнул, посмотрел на ее заплаканное лицо и решил, что лучше не мешать.

–Деньги на такси есть? – добавил он.

Анна утвердительно кивнула.

Вдруг ей показалось, что она слышит слова:

– Все пройдет. Не бойся. Ты не одна.

Анна вздрогнула. Она посмотрела на полицейского, но тот смотрел в сторону.

«Показалось», – подумала она.

Внутри словно что-то сжалось еще сильнее, но одновременно появилось неуловимое ощущение, словно кто-то подал условный знак.

Глава 6

Анна медленно шла по улицам, словно в тумане, не понимая, куда и зачем.

Внутри всё было разорвано на куски – пустота, которая растекалась по телу, как черная жидкость, заполняла каждую клеточку.

В голове шумело и трещало, словно всё трещит, разламывается и исчезает, будто сломанный радиоприемник, который забыли выключить. Звук был искаженным, глухим, с перебоями, словно в эфире застряли сотни голосов, пытающихся прорваться сквозь хаос. В ушах звенели будто колокола, бьющие в пустом зале.

Вдруг, сквозь шум и треск, стали пробиваться слова, которые она уже слышала, – одно за другим, с паузами, – "Ты не одна". Это было как тихий шепот, который вдруг стал громче: "Ты не одна".

И в этот момент, словно вспышка, в памяти всплыли слова бабушки Полины, – те самые, что давно забылись, – и вдруг она поняла: это был не просто голос, а крик из глубины её души, из самой темной бездны, где когда-то была её опора.

"Ты не одна," – шептала она себе, словно кто-то протянул ей невидимую руку, чтобы помочь выбраться из темноты. – "Помни это, когда всё вокруг рухнет, когда ты не понимаешь, что происходит. Ты – не одна". Все завертелось вокруг нее, словно неведомые вихри приносили что-то издалека, а потом, подхватив, уносили в даль забвения.

В этот момент она услышала тихий, но твердый голос: «Анна, пора, просыпайся».

Анна проснулась в холодном поту.

Старинные часы тихо отбивали очередную минуту очередного часа. Дом спал, укутанный легким туманом утра.

Анна посидела на краю кровати, пытаясь отогнать ночные видения, затем опустила ноги в тапочки и пошла на кухню. Налила там стакан молока и достала печенье.

«Надо же, какой бред может присниться, если работать с утра до вечера, практически без отпуска и выходных», — подумала она.

Сон не выходил из головы.

Она часто видела сны, часто их помнила, но вот сон во сне, да еще не один раз — такого она не припоминала. Никак не получалось отделаться от ощущения, что это был не сон, настолько сильными были эмоции.

Анна взяла со стула плед, закуталась в него поплотней, словно защищаясь от неприятной тяжести, возникшей после сна, и пошла обратно в свою комнату.

«Тик – так», – считают часы.

«Скрип – скрип», – отвечают им в такт половицы.

Анна любила свой дом, и очень удивлялась, когда ее спрашивали, не страшно ли ей в нем ночевать одной.

Дом достался Анне по наследству. Он не был совсем старым: ну что для дома сто лет? Ничто по сравнению с эпохами. Но Анна называла его старым и очень уж ей нравилось на вопрос: «А где ты будешь на выходных?» нарочито отвечать: «Эти выходные я буду проводить в своем старом доме».

Анна толком и не помнила, как именно этот дом у них появился, ей казалось, что он был всегда.

***

– Не будь дурой, – голос Полина Петровны звучал строго, – Досталось, значит, так и должно быть. У тебя вон и дочь неприкаянная, да и внучка, похоже, тоже не знает, с какой судьбой ей идти.

– Слушай, – ответила Ольга, – что ты заладила: прикаянная, не прикаянная? Как будто сама была прикаянной.

– А ты мне не дерзи – я ведь мать тебе, как никак.

– Спасибо, – с легкой иронией произнесла Ольга. – А ты не подскажешь, когда ты мне нужна была, где ты была, а?

Полина Петровна резко ударила дочь по лицу. Та, прижав руки к щеке, согнулась, и в мгновение ока превратилась в маленькую девочку.

– Ольга, – строго раздался голос Полины Петровны, – если не хочешь, чтобы я рассердилась, заканчивай пререкания. Ты знаешь, что такой разговор ни к чему хорошему не приведет, – произнесла она, словно коршун нависая над дочерью.

Ольга еще больше согнулась, словно пытаясь спрятаться от матери. Она не могла ей перечить и все ее попытки сделать что-то по-своему рассыпались под всевидящим оком матери. Иногда, да что там скрывать, очень часто, Ольге казалось, что Полина Петровна совсем ей не мать. Своего детства Ольга не помнила. Словно в один момент она открыла глаза и сразу взрослая женщина: у нее есть дочь, а рядом эта странная и властная женщина, называющая себя ее матерью.

– Вот, – продолжила Полина, – нечего тут сидеть и праведницу из себя строить. У него таких домов по несколько в каждом приличном городе. А ты собралась жене его все отписать? Ей и так досталось достаточно. А о тебе кто подумает, когда меня не станет? А о Тамаре с Нюрочкой? Им- то как потом по жизни идти? Об этом не подумала? Мы должны всегда помнить про наш род и то, что он должен жить любой ценой!

Полина Петровна развернулась и с гордо поднятой головой вышла из комнаты, оставив поникшую Ольгу наедине со своими переживаниями.

Проходя через гостиную, она заметила, что маленькая Нюра прячется за тяжелой бархатной шторой.

«Ну что ж, – подумала она, – одну в чувства, хоть ненадолго, – привела, а вот малютке, конечно, рано еще видеть такие сцены. Как уж получилось – так и есть», – она очень надеялась, что правнучка будет более разумной, чем ее дочь и внучка.

«Эх, – еще раз взглянув на шторы, где пряталась Нюра, подумала она, – успеть бы ее подготовить к жизни.»

Маленькая Нюра сквозь шторы почувствовала на себе взгляд бабушки Полины.

В этот момент ей показалось, что бабка – злая колдунья. Глаза у нее черные, как воронье крыло и без дна, – так зыркнет, если не довольна, что под стол залезть можно от страха. Но не только взглядом она умела проникать внутрь человека. Ее смех был такой заразительный, что никого не оставлял равнодушным. Мелодичные, звенящие колокольчики молодого смеха наполняли округу, и все, кто его слышал, начинали улыбаться, забывая обиды и тревоги, и словно по волшебству выполняли любую ее просьбу.

О бабке Полине слухи ходили разные.

Никто толком ничего не мог сказать о ней, даже ее дочь и внучка. Иногда кто-то шепотом говорил, что бабка колдунья, что может что-то предречь. Поговаривали, что она наговоры может делать, но никто точно не знал, откуда такие слухи взялись.

Из всего женского окружения только Аня знала, что бабушка – очень теплая, пахнущая сырниками, – бабушка – бабуля, которая укутывала, рассказывала истории, крестила на ночь и целовала в лоб, чтобы Ангелы – Хранители берегли ее крошку Нюрочку всю ночь.

А вот настоящую бабушку – Ольгу Петровну – Аня бабушкой не называла. Так было заведено с рождения – обращаться к ней на Вы. Даже Тамара, ее дочь, тоже обращалась к ней на Вы.

Ольга Петровна была красивая, ухоженная и вечно печальная женщина.

За Ольгой Петровной постоянно волочились поклонники. Ей дарили подарки, приглашали в поездки, присылали машины с водителем. Было совершенно непонятно, чем эта женщина пленяла столько мужчин. Ее внешность была блеклой, незапоминающейся, о таких говорят – серая мышь. Глядя на мать и дочь было неясно, действительно ли Полина – мать Ольги, настолько они были разными. Статная Полина, волосы как смоль, глаза – два черных омута, и маленькая, бледная Ольга.

Но стоило Ольге надеть что-то, и она мгновенно превращалась в королеву выбранного цвета. Преображения были настолько невероятными, что узнать ее в новом образе было практически невозможно, словно разные женщины, отраженные в зеркалах.

***

Она спускалась с лестницы во всей своей красе.

Маленькое отребье, как она про себя называла свою внучку, подбежало к ней, прижалось и восхищенно смотря снизу вверх на "Снежную королеву", так она называла ее про себя, восторженно произнесло:

– Вы такая красивая, я очень хочу, чтобы принц поцеловал вас и расколдовал, и вы стали доброй.

Ольга с силой отдернула от себя маленькие ручки, будто она соприкоснулась с мерзостью – столько отвращения в этот момент было у нее на лице.

– Никогда не смей ко мне подходить! Никогда не смей со мной разговаривать! Тебя нет! Ты никто и ничто в этом мире, ты ошибка! — прошипела она, и отпихнув в сторону ошеломленную Нюру, ушла в свою комнату.

Ольга Петровна больше не разговаривала со своей внучкой. Проходя мимо Анны, она смотрела сквозь нее, будто бы не видела ее. Девочка со временем привыкла к такой форме существования. Она не подходила к Ольге и даже не здоровалась – будто её тоже нет.

***

Анна остановилась напротив бархатных тяжелых штор, отгораживающих небольшую часть комнаты, тяжелой драпировкой ниспадающие на стены, добавляя какого-то волшебства этому месту.

Когда-то, прячась за ними, она представляла, что ее мама, а потом и бабушка, все-таки вернутся к ней. Женщины друг за дружкой исчезали из этого дома.

Ей исполнилось четырнадцать, когда «Снежной королевы» не стало. Водитель, который ее вез, заснул за рулем, и машина разбилась. Никто не выжил. Потом и Тамара, ее мама, ушла в страну грез. А когда ей исполнилось семнадцать, Полина Петровна вышла за ворота, и ее больше никто не видел.

Анна давно не заглядывала за эти шторы. В углублении комнаты стояло огромное старинное трюмо. А после того, как не стало матери Анны, Полина Петровна завесила его саваном и взяла слово с Анны, что та никогда сама не снимет ткань с зеркала.

– Чужие – пусть, ты – никогда! – твердо произнесла Полина Петровна

– Бабушка, но это же глупо! Что это за предрассудки, тряпками зеркала завешивать?

– Сказала, не ты – значит так и быть, мала мне перечить! – произнесла бабка и так посмотрела на Анну, что та решила не спорить с ней.

Так эта тряпка и осталась висеть на зеркале. А само место превратилось в место забвения. Сколько раз Анна хотела снять тряпку, но вечно что-то ее отвлекало в тот самый момент, когда она собиралась это сделать. А потом она вообще забыла про этот угол, как будто за шторой ничего и не было.

Анна хотела уже пойти дальше, как случайно наступила на край шторы и запутавшись в ней, спотыкаясь, ухватилась за край трюмо, стаскивая за собой не только штору, но и ткань с зеркала.

Полотно оказалось огромным, словно саван, скрывающее зеркало от посторонних глаз.

Анна поднялась с коленей, откидывая в сторону ткань.

– Сколько лет прошло, – тихо прошептала Анна...

Анна старалась не вспоминать свое прошлое.

Ей казалось, что когда -то давно она умела радоваться, смеяться. Тогда у нее было детство, юность, а потом все стало завершаться: ушли из жизни ее близкие люди, потом пропала бабушка Полина и все вокруг стало превращаться в пустоту. Только этот дом и сад были теми точками опоры, благодаря которым Анна понимала, что она жива, она существует. Хотя сколько раз она себе задавала вопрос о том, зачем все это. Зачем ее жизнь? Ради работы, пустых отношений, и попыток понять, кто она и зачем рождена на свет? В ее жизни не было радости, не было света, только бесконечная смена дней в ощущении пустого существования.

Анна подошла к трюмо и провела пальцем по пыльной поверхности.

– Завтра я тебя помою и уберу все эти тряпки, – словно обращаясь к зеркалу, произнесла Анна и пошла в свою комнату.

Глава 7

В другом месте, другая Анна подошла к огромному трюмо, стоящему в углу комнаты.

Стекло было мутным, а на столешнице след от пальца.

Анна внимательно разглядывала этот след.

– Ну что, Анна, может быть скоро ты действительно начнешь замечать, что ты не одна. Как же с тобой сложно все-таки, – задумчиво произнесла она. Ты совершенно ничего не хочешь замечать в этой бесконечной жалости к себе.

Анна всегда рассуждала четко, всегда знала, что она хочет и всегда достигала этого. Для нее не существовало понятия «трудно». Трудно – это лень.

Ей было неясно, как так получилось. Бабушка Полина растила их одинаково. Но вот та нюня, а эта – полная ее противоположность.

Анна не привязывалась ни к кому. Она не понимала, что значит любить. Любить для нее значило просто быть, жить, делать так, как считаешь нужным. Она получала всегда от всех по максимуму и никак не могла понять, почему бабка Полина оставила столько той Анне, а не ей. Почему та Анна влияет на ее жизнь, а не наоборот? Почему то, что так необходимо Анне, чтобы разобраться в истории их рода, находится за пределами ее возможностей? Почему она должна подчиняться и принимать изменения, которые случаются из-за глупых действий этой нюни Анны?

Большая чашку с огромными цветами с какао согрела руки, и она забралась в кресло напротив зеркала.

Улыбка тронула ее губы.

«Ну что, бабуля, посмотрим теперь, кто из нас будет главной, уж точно не эта вечно нюющая кукла Нюра».

Настроение у Анны было прекрасное. У нее все получилось, хоть и на несколько минут, но получилось!

Как же было забавно смотреть на этого борова Стаса и его секретаршу. А Анна?

Ну как можно было столько времени терпеть?

Она хоть и не любила ту, вторую Анну, но почувствовала огромное удовольствие, когда ей удалось на 3 минуты заблокировать ее: вот и результат – с работы выгнали, Стас не хочет слышать. А в том состоянии, в котором она теперь находится, может быть будет проще найти пути входа в ее мир. Да, бабка Полина не рассказала ей об этом, но она и без нее нашла возможности войти в мир той Анны. Она жаждала получить то, что бабка оставила там. Она знала, это должно стать ее.

Анна подошла к трюмо, перед зеркалом посадила куклу Нюру, затем открыла маленькую старинную пудреницу, и зеркало направила в лицо куклы. Появилось легкое свечение, и кукла исчезла.

– Вот тебе привет из прошлого, девочка Нюра, – проговорила Анна, проведя пальцем по поверхности трюмо рядом со следом, который отчетливо говорил о том, что их миры все-таки соприкасаются.

***

Анна подумала, что то, что шторы оборвались—хороший знак. Это как перемены. Можно подумать и о хорошем.

– Отпуска сколько у меня не было? – спросила она себя вслух. – Правильно, два года, – сама себе ответила.

В приподнятом настроении Анна отправилась на кухню готовить завтрак.

Она подошла к раковине, чтобы помыть свою любимую чашку, но чашки в раковине не оказалось.

– Да, усталость, усталость, что ты творишь... Не помню, что чашку помыла, а вот то, что не помыла – помню, – пробормотала она, улыбаясь.

Открыв старинный буфет, Анна достала чашку с яркими большими цветами – ту самую, из которой когда-то пила чай бабушка Полина.

Налив чай, она оставила его остывать на столе и отправилась по комнатам, открывать шторы, как делала всегда – впускала новый день, словно продолжая бабушкино заклинание:

– День закончился – закрой, начался – открой.

В этот момент дом казался особенно живым, наполненным светом и тихой радостью, будто сам приветствовал Анну и новый день.

Она прошла мимо трюмо, мельком вспомнив, что сегодня собиралась убрать все тряпки и наконец помыть угол Снежной Королевы, как иногда называла это место.

Но, проходя мимо, вдруг замерла.

Перед зеркалом, на самом краю столешницы, сидела ее старая кукла Нюра – та самая, которую она когда-то потеряла и давно считала исчезнувшей навсегда.

Анна медленно подошла ближе, взгляд скользнул по поверхности трюмо, где теперь отчетливо виднелся еще один след пальца на пыльной поверхности.

– Вот тебе кукла Нюра. Нюра – для Нюры, – всплыл в памяти голос бабушки Полины, протягивающей ей когда-то эту куклу.

Анне никогда не нравилось это имя, но она терпела. Каждый раз, когда бабушка называла ее при ком-то Нюрой, та была готова провалиться под стол от стыда. Казалось, что все смотрят на нее и думают: какое странное имя для девочки. На соседней улице даже кошку страшенькую звали Нюркой. Вот и она, наверное, такая же – некрасивая, не такая, как все. Красивых девочек так не называют.

Анна смотрела на свое отражение в зеркале, на куклу, которую давно потеряла, и на второй след рядом с тем, что оставила сама.

Внутри поднималась жуткая, липкая тревога. Кукла была именно той самой – вот, губы неестественно яркие, накрашены фломастером, это они с Алиской когда-то пытались придать ей «живой» вид.

Анна отчетливо помнила: вчера куклы здесь не было. Как и второго следа на пыльной поверхности трюмо.

Словно кто-то еще, невидимый, был здесь до нее, и оставил свой знак.

Она медленно протянула руку к кукле, не сводя глаз с зеркала. Сердце стучало где-то в горле, а в комнате вдруг стало прохладно, будто кто-то открыл окно.

Она провела пальцем по второму следу – он был такой же, как ее собственный, и почему-то казался влажным, будто оставлен совсем недавно.

В этот момент ей почудилось, что в глубине зеркала что-то шевельнулось, словно тень или отблеск чужого взгляда.

– Это ты, Алиса? – вдруг вырвалось у нее, и тут же стало неловко: зачем она это сказала вслух?

В памяти всплыли детские игры с Алисой, их смех, фломастер, которым они рисовали губы кукле.

Вдруг ей показалось, что за спиной кто-то прошел – легкий сквозняк коснулся щеки, и в зеркале на миг мелькнуло чужое лицо.

Анна не выдержала и тихо спросила, глядя в зеркало:

– Кто здесь?

В ответ – только тишина, но в глубине души она почувствовала: кто – то действительно рядом.

В этот момент телефон на столе коротко завибрировал, словно возвращая все в реальность и рассеивая все страхи.

– Как ты? – высветилось на экране сообщение от мистера Х.

Анна переводила взгляд с телефона на куклу, потом на себя в зеркале. В нос забивался запах скошенной травы, в ушах нарастал гул, сквозь который будто бы звучали какие-то слова – неразборчивые, ускользающие.

– Кто ты? – вдруг закричала она, не узнавая собственного голоса.

– Мистер Х, – появилось новое сообщение.

Анна дрожащими руками схватила телефон и стала лихорадочно печатать:

– Кто ты?

– Я ответил, Мистер Х. Ты так меня назвала, я прав?

– Как ты узнал об этом?

– Знаю.

– Ты следишь за мной?

– Нет.

– А откуда знаешь?

– Просто знаю.

– Что тебе от меня нужно?

– Ничего.

– Я не понимаю.

– Ты многого не понимаешь.

– Перестань говорить загадками, кто ты?

– Я – Мистер Х.

– Я могу тебя заблокировать.

– Можешь, но не будешь.

– Почему?

– Просто не будешь.

– Мы можем поговорить? – Анна стала набирать номер, но в ответ – тишина, ни одного гудка.

– Нет, не сейчас.

– А когда?

– Когда придет время.

– Когда?

– Всему свое время. Ты всегда была нетерпеливой. Жди. Я рядом и считай, что я просто за тобой присматриваю.

– Подожди, у меня много вопросов...

– Я не знаю на них ответов, это твои вопросы. Мне пора, до завтра.

– Подожди...

Но сообщение осталось недоставленным.

Анна еще раз перечитала переписку, каждый раз останавливаясь на фразе: «Ты всегда была нетерпеливой».

Глава 8

– Аня, ты такая... нетерпеливая... – возмущается Алиса, крепко прижимая куклу к себе. – Сейчас я поиграю, потом ты. Ну и что, что кукла твоя, мы же лучшие подруги, ты должна со мной делиться.

Анна смотрит на Алису, сжимая в руках кукольное платье. Ей хочется возразить, сказать, что кукла её, что она придумала для неё новую прическу и хотела показать, как красиво будет смотреться голубое платье с кружевами. Но Алиса уже уверенно усаживает куклу на маленький стульчик, начинает расчесывать ей волосы и что-то напевать себе под нос.

– Я выберу, что она сегодня наденет, – предлагает Алиса, не спрашивая разрешения. – Вот это платье ей совсем не идёт, а вот это – как раз!

Анна молча протягивает Алисе кукольную одежду, хотя внутри всё сжимается от обиды. Она всегда уступала Алисе – и куклу, и платье, и даже право первой начинать игру. Ей казалось, что так и должно быть: Алиса всегда знает, как лучше.

– Смотри, как красиво! – Алиса ловко застёгивает кукле новое платье, а потом, не глядя на Анну, берёт кукольную шляпку.

Анна словно вновь оказалась в своем детстве.

Теперь, глядя туда из взрослой жизни, она уже не понимала: почему тогда всё время уступала?

Следом всплыло еще одно воспоминание.

– Аня, ну нельзя же быть такой нетерпеливой, – мягко упрекает мать, закрывая толстую тетрадь, исписанную мелким почерком. – Сказки на то и существуют, чтобы иметь продолжение и не знать заранее, что ждет героев дальше. Вот закончу – ты первой ее прочитаешь, не спеши, – улыбаясь говорит мама, обнимая Анну.

– Ай, ай, ай, Аня, опять торопишься, – усмехается бабушка Полина, наблюдая, как внучка переписывает страницы из потрепанной тетради.

Анна вздрогнула: почему раньше она ничего этого не вспоминала? Простая фраза «Ты нетерпеливая» вдруг воскресила столько намёков и подсказок, о которых она когда-то знала, но почему-то забыла.

– Интересно, куда подевалась Алиска? То звонит по десять раз на дню, а теперь – тишина, – словно возвращаясь из прошлого, подумала Анна.

– Алиса, привет. Как ты? Всё хорошо? Ничего не случилось?

– Всё хорошо, а что?

– Ты давно не звонила...

В ответ – пауза. Анна продолжила:

– Слушай, это, наверное, глупо, но у меня странный вопрос. Скажи, это не ты забрала когда-то мою куклу Нюру? Если ты, я не сержусь, просто мне важно знать – ты её тогда забрала или нет?

– Аня, какая кукла, какая Нюра? Ты извини, я понимаю, что выходной и тебе нечего делать, но я бываю занята, – и Алиса отключилась.

Анна вспомнила, как в детстве Алиса всегда легко входила в их дом, будто была здесь своей. Ольга Петровна встречала её с особой теплотой, гладила по голове и, не скрываясь, сравнивала подруг:

– Вот ты, Алиса, настоящая красавица, – говорила она, улыбаясь, – у тебя и характер хороший, и глазки умные. Вот увидишь, у тебя будет всё, что захочешь. А наша ... эх, вечно в своих фантазиях, всё книжки да мечты.

Алиса при этих словах смущённо опускала глаза, но Анна замечала, как после таких слов подруга становилась особенно требовательной. Она брала лучшие игрушки, а если Анна пыталась возразить, Алиса тут же напоминала:

– Ну ты же не обижаешься? Мы же лучшие подруги.

Анна не обижалась – по крайней мере, старалась не показывать этого. Она уступала, потому что верила: дружба – это когда отдаёшь, даже если больно.

Сейчас, вспоминая эти моменты, Анна вдруг увидела: в их детских играх всегда была тень соперничества, которую она не хотела замечать. Может быть, именно поэтому сейчас между ними возникла эта странная, холодная пауза? Может быть, Алиса снова что-то у неё забрала – только теперь это было нечто большее, чем кукла или платье? Может быть, теперь на кону стояла сама Анна – её память, её прошлое, её право быть главной в собственной жизни?

Анна вздохнула, ощущая, как старые обиды и неуверенность вновь поднимаются из глубины памяти, смешиваясь с тревогой сегодняшнего дня.

Она попыталась отогнать мысли про Алису, слишком много воспоминаний и вопросов крутилось в голове. И вдруг ей стало ясно: ответы могут быть на чердаке, среди забытых коробок и старых вещей.

Она бросила взгляд на куклу, на второй след, на свое отражение – и, не раздумывая, направилась к лестнице, ведущей наверх, туда, где хранились ее воспоминания, но на двери висел большой замок.

Глава 9

Анна вернулась к серванту на кухне, в одном из ящичков лежала связка ключей. Она давно не поднималась на чердак. Вернее, это даже не чердак, а огромная мансарда, где они с Алисой когда-то устраивали свои игры.

Позднее мансарду заняла её мать Тамара – говорила, что там ей лучше всего пишется. А потом мансарду просто закрыли на ключ. И Анна словно забыла, что в их доме было это место.

– А что у нас на чердаке?

– Что у нас на чердаке? – передразнила Полина Петровна. – Хлам и пыль веков у нас на чердаке, вот что там.

– А я пыль веков хочу понюхать.

– Фу, барышне твоего возраста негоже по пыльным чердакам ползать.

– Бабушка, ну почему ползать? Мы же там с Алисой часто играли.

– Играли когда-то, да всё переиграли.

Замок не поддавался.

Анна решила не сдаваться, ее охватил странный азарт. Она опять спустилась на кухню, нашла масло и аккуратно смазала старинный, тяжёлый замок, с удивлением понимая, что раньше даже не обращала на него внимания – а ведь замок был явно не из новых, с потёртой латунью и резным узором.

Когда дверь наконец поддалась, в лицо пахнуло затхлым воздухом, в котором смешались старое варенье, сухие травы, пыль и что-то ещё – едва уловимое, но до боли знакомое. Пылинки закружились в воздухе, словно маленькие призраки, и на мгновение вся мансарда наполнилась игрой света и теней, будто кто-то невидимый только что пробежал по комнате. Луч света выхватывал из полумрака то старую мебель, то коробки, то чемоданы.

Анна аккуратно перешагнула порог и тихо закрыла за собой дверь.

Она медленно двигалась по комнате, словно впервые оказавшись здесь, и с удивлением рассматривала всё вокруг в переливающихся лучах пыли.

Сама мансарда была огромной – чердачное пространство над всем домом. Анна подошла к окну и распахнула его, впуская в комнату свежий воздух и ещё больше света.

Теперь, когда она вглядывалась в детали, ей казалось, что в детстве, когда они с Алисой играли здесь, всё было совсем иначе.

Сейчас пространство выглядело вполне жилым: уютно расставленная мебель, кресла, диваны, шкафы. Даже коробки и чемоданы казались не нагромождением хлама, а частью какого-то особого, продуманного порядка. Здесь царил полутень, и даже дневной свет, пробиваясь сквозь маленькое окно, казался здесь старым, как сама пыль, что годами оседала на всё вокруг.

Вдоль стен стояли тяжелые шкафы с резными дверцами, покрытыми паутиной и загадочными пятнами времени. На одном из шкафов лежала старинная шляпка с потускневшей вуалью, а рядом – фарфоровая ваза с засохшими цветами. В углу притулился круглый столик, на котором стояли часы с треснувшим стеклом, давно остановившиеся на какой-то странной, несуществующей минуте.

Кресла и диваны, обитые выцветшей тканью, были расставлены так, словно здесь когда-то собирались люди, чтобы вести долгие разговоры или слушать чьи-то истории. На одном из кресел лежал плед, аккуратно сложенный, будто кто-то только что встал и обещал вернуться.

Анна заметила, что на некоторых коробках были выцветшие надписи, на других – старинные наклейки с неразборчивыми инициалами.

Иногда Анне казалось, что в глубине комнаты кто-то шевелится, что за спиной слышится тихий шорох или приглушённый смех. Здесь, среди вещей, времени и теней, словно жила сама память. Анне не было страшно – напротив, её окутало удивительное спокойствие, будто мягкое, невидимое покрывало. Казалось, она вернулась туда, где когда-то была по-настоящему счастлива.

Она медленно перебирала вещи: старый веер, мотки лент и пожелтевшего от времени кружева, засохший букетик из роз.

Сколько секретов тут хранится? И кажется, что все их она когда-то знала, но забыла.

В дальнем углу она заметила неподвижную фигуру. Сердце бешено застучало.

– Кто здесь? – еле слышно прошептала Анна пересохшими от страха губами.

Но ответа не было. Сколько раз она смотрела фильмы ужасов и всегда возмущалась, зачем героини фильма шли в открытую дверь, заглядывали в темные уголки, вместо того, чтобы сразу убежать, а тут она так же, как и они направилась к фигуре.

– Господи, ну надо же так испугаться-то было, – усмехнулась Анна.

Перед ней стоял манекен, одетый в женское платье.

Платье было старинное, нежного кремового цвета, с перламутровыми маленькими пуговками, атласной лентой по поясу с маленькими кремовыми розочками. Юбка спадала мягкими воланами, из-под которых выглядывали нежные кружева.

Пальцы точными и быстрыми движениями, словно она делала это не один раз, расстегнули мелкие пуговики.

В этот момент где-то в глубине мансарды зазвучала тихая, едва уловимая мелодия – будто старый музыкальный автомат заиграл в углу. Анна, не раздумывая, скинула свою одежду, надела платье и, поддавшись странному порыву, медленно закружилась по комнате.

Вокруг будто ожил сад: солнечные пятна на полу превратились в тёплые лужайки, в воздухе поплыл запах роз. Анна смеялась, слышала чей-то голос – то ли свой, то ли чужой – и перед глазами вспыхивали короткие фрагменты: женская рука в перчатке, смех, белый зонт, чей-то взгляд, полные счастья глаза.

***

1879 год, Полине исполнилось семнадцать. Она хороша, поклонники присылают цветы, ее танцевальная книжка расписана танцами и разговорами, она должна составить блестящую партию.

– Поли, мы уезжаем, – раздаётся голос матери

– Мы едем на воды? – закружилась радостно вокруг матери Полина.

– Нет, дитя, у нас другие важные дела.

– Маман, ну не томите, мне так поскорее хочется узнать, куда мы едем. Там будет весело?

– Ох, Поли, тебе только бы веселье, – время пришло, пора тебе взрослеть. Вот доедем до сестер, все узнаешь, а пока пора собираться. Завтра мы едем.

– А когда вернемся?

– Скоро, скоро, не успеешь и глазом моргнуть, – улыбнулась мать, а сама подумала, что сюда они больше не вернуться, и жизнь ее дочери полностью изменится, как и ее собственная, когда-то много- много лет тому назад.

***

Вдруг музыка оборвалась, и Анна остановилась, тяжело дыша. Она машинально дотронулась до груди – под пальцами почувствовала пустоту: одна из перламутровых пуговок исчезла.

Оглядевшись, она заметила, что под столом что-то блеснуло.

Анна приподняла юбки, опустилась на колени и увидела оторвавшуюся маленькую пуговку, а в дальнем углу – шкатулку, покрытую резьбой и потемневшей латуной.

Анна, достав шкатулку, села на диван и приоткрыла крышку.

Внутри – плотный конверт, перевязанный блеклой лентой.

Анна аккуратно развязала узелок, и на ладонь выскользнули старинные фотографии, пожелтевшие, с тонкими рамками, они словно хранили в себе дыхание прошедших эпох. На них – женщины с закрытыми глазами, в изящных платьях. Некоторые из них – юные девочки, с невинными лицами и тонкими шейками, сдержанно смотрящие в камеру, словно в ожидании чего-то важного, что скрыто за границей времени.

Анна с ужасом смотрела на фотографии. Все, кого они запечатлели были с закрытыми глазами.

– Вы все мертвы? – словно обращаясь к ним, спросила Анна.

Проведя пальцем по глянцевой поверхности, почувствовала, как по коже пробежал холодок. В этот момент пол под ногами будто дрогнул, и ей показалось, что кто-то невидимый легко коснулся её плеча.

В нос ударил резкий запах – не пыли, а чего-то домашнего, родного: бабушкиных духов, свежих сырников, смешанных с ароматом скошенной травы.

В тишине чердака вдруг послышался тихий смех, а затем – едва различимый плач, будто кто-то прятался за старыми сундуками.

Анна замерла, прислушиваясь, и в этот момент ей показалось, что на одной из фотографий женщина на миг открыла глаза и посмотрела прямо на неё. Вокруг фотографии промелькнула тень, а свет из окна стал мерцать, будто кто-то невидимый двигался по комнате.

Внутри, где-то на границе сознания, раздался голос – знакомый, строгий, но тёплый, словно бабушка Полина говорила ей прямо в сердце:

– Не бойся, Анна. Смотри внимательно. Всё, что тебе нужно, уже рядом.

В этот миг всё вокруг поплыло, растворилось – и на мгновение Анна увидела себя в другой эпохе. Перед ней – комната, наполненная мягким светом, женщины в старинных платьях что-то обсуждают, смеются, кто-то плачет, кто-то держит на руках ребёнка.

– Роженица разрешилась. Все хорошо, у нее дочь.

Анна не знала, кто она тут – наблюдатель или участник, но ощущала: это её род, её кровь, её судьба.

Вдруг одна из женщин – та, что с упрямым взглядом, – поворачивается к ней и смотрит прямо в душу.

– Ты не одна, – шепчет она, и в этот момент всё исчезает.

На чердаке стало темнее.

Анна зажгла светильники и вернулась к фотографиям. Анна листала фотографии, словно погружаясь в древний сон. Каждое изображение – это не просто портрет, а застывшее в вечности мгновение, наполненное тайной. Фигуры женщин – спокойные, безмолвные, словно они знают что-то, что недоступно простому взгляду. Их глаза закрыты, но кажется, в них скрыта целая вселенная чувств, страстей, незавершенных дел и невысказанных слов. В их позах – грациозность и достоинство, будто они молятся или просят о прощении, или, может, о чем-то большем – о возвращении, о раскрытии тайны.

Анна задержала взгляд на одной из фотографий – женщина с тонкими чертами лица, в старинном платье, с красивыми украшениями, и девочка рядом, в белом. В этот момент в груди что-то кольнуло.

Анна взяла телефон, повернула камеру на себя, закрыла глаза. Посмотрев на свой снимок, Анна похолодела. В этом старинном платье, с закрытыми глазами она очень была похожа на тех, кто был на старых фотографиях.

Руки дрожали, она когда-то слышала, про моду прошлых лет фотографировать умерших. Но столько фотографий умерших женщин – кому было нужно собирать эти фотографии?

Анна взяла телефон и начала искать в сети.

В памяти всплыли отрывки бабушкиных рассказов – о магических фотографиях, запечатленных душах, о портретах, что связывают миры.

В сети было много магических историй, читая их, она еще больше вспоминала рассказы бабушки Полины.

– Ну что не спишь?

– Мне сон снился.

– О чем, моя хорошая, расскажи, если страшный и плохой – и он пройдет, а хороший останется.

– Он не плохой и не хороший. Но он не уходит, даже если я ему об этом говорю.

– Знаю, милая, знаю, но ты не бойся. Тебе никто ничего плохого не сделает. Я тебя в обиду не дам.

– А расскажи мне историю, – вдруг оживляется Нюра.

– Какую историю ты хочешь? Опять про красавиц на фотографиях? – усмехается Полина Петровна.

Нюрочка утвердительно кивает головой.

– Ну слушай, да запоминай, когда-то сгодится. В старину, когда фотография была еще волшебством, а не просто снимком, существовала тайна, окутанная туманом времени. Говорили, что в те далекие годы, когда свет еще не полностью овладел магией изображения, мастера делали особые портреты – женщин с закрытыми глазами. Не просто так, а по древним ритуалам, передаваемым из поколения в поколение. Говорили, что такие фотографии – это не просто портреты, а запечатленные души. Души тех, кто ушел из этого мира, но оставил после себя незаконченные дела, сильные чувства или нераскрытые тайны. Говорили, что глаза – это окна в душу, и когда они закрыты, то душа уходит в иной мир, а фотография становится мостом между двумя измерениями.

Мастера, создававшие эти портреты, обладали особым даром – они умели видеть невидимое. Они знали, что в каждом взгляде скрыта история, что в каждом закрытом глазу – желание вернуться или оставить послание. Поэтому такие снимки делали не для красоты, а для магии, для связи с теми, кто уже покинул этот мир, но не забыт. Говорят, что эти портреты хранят энергию, которая может пробудить духа или открыть дверь в потустороннее. В них заключена память, которая не исчезает со временем, а лишь затаивается, ожидая, когда кто-то осмелится взглянуть в них и услышать шепот заблудших душ. Это не просто изображения, а магические амулеты, способные защитить или связать с предками. Они позволяют заглянуть в сны и видения, раскрывая тайные связи рода, скрытые в глубине времени.

– Вот и уснула. Спи спокойно, дитя, пока ты еще под моей защитой, – прошептала Полина Петровна, целуя Нюру в макушку и поправляя одеяло.

Полина Петровна нежно посмотрела на Нюрочку. Какие все-таки разные эти две девочки. Одна – нежное создание, другая – сильная, упрямая. У этой есть мать, у второй – только она. Миры требуют соблюдения правил. Если женщина рода не получила дар, то она для другого мира будет мертва. Вот так и получилось, что у Ольги и Тамары нет дара, но вторая родила ту, кто сможет стать продолжением рода и даст возможность им возвращаться. А вот кто унаследует это право, пока не ясно.

***

Анна читала статьи, рассматривала снимки и вдруг на экране появилась фотография, которая ей показалась особенно знакомой – на ней была Снежная королева в старинном платье, с закрытыми глазами, под фотографией стоял год 1899.

Анна не могла отвести взгляд. Сердце забило чаще, ладони вспотели. Она не могла ошибиться. Снежную Королеву она не могла ни с кем спутать.

«Не может быть...» – прошептала она, увеличивая изображение.

В этот момент в комнате стало особенно тихо. Даже свет от экрана казался холоднее, чем обычно.

Анна вдруг почувствовала, что за её спиной кто-то стоит. Она обернулась – никого. Только тени на стенах, только шёпот времени.

Внутри все трепетало, страх, интерес, желание узнать, что все это означает. Но пока были только вопросы.

За окном был вечер.

Анна поняла, что целый день просидела на чердаке. Она окинула взглядом свой наряд. Он несомненно ей шел, в нем она словно была из другой эпохи. Но Анна чувствовала, что платье чужое, оно сдавливало шею, и в нем стало неудобно. Анна аккуратно его сняла, повесив обратно на манекен, а пуговку положила в шкатулку к фотографиям.

«Если я целый день просидела над фотографиями, то мне много времени понадобится, чтобы что-то тут отыскать», – подумала Анна. А вслух добавила:

– Я вернусь к вам, подождите меня.

Собираясь спускаться с чердака, Анна еще раз открыла снимок, обнаруженный в интернете.

И в этот момент на экране телефона появилась реклама: «Ты давно ищешь ответы и не можешь найти. Ты и твой род, это связь, которая расскажет кто ты. Бурятия – центр силы, окуни в тайну шаманских практик и найди ответы на свои вопросы» и телефон.

Анна бессознательно нажала на номер, а потом словно испугавшись, нажала на отмену.

– Я могу задать вопрос? – написала она сообщение.

– Да, – сразу пришел ответ.

– Мне ехать?

– Да.

– Но ты не спросил, куда.

– Мне это не нужно.

– Мне ехать? – повторила свой вопрос Анна

– Я уже ответил. Да. – засветился утвердительный ответ от Мистера Х.

И в эту же минуту телефон зазвенел.

– Здравствуйте. Вы звонили.

– Да, – нерешительно ответила Анна.

– У вас есть вопросы и вы ищите ответы?

– Да, – удивленно ответила Анна.

– Хорошо, тогда приезжайте.

– Когда?

– Завтра.

– Как завтра? Я в Москве.

– Вы все равно приедете завтра. Я вас встречу.

– Подождите, откуда вы знаете, что я приеду, да еще и завтра? У меня дела, билетов может не быть.

– Мы встретимся завтра. Напишите, когда вы купите билет. Меня зовут Айнура, – представился голос на том конце провода.

– Анна, – пробормотала Анна в ответ и телефон отключился.

На завтра был один билет до Улан -Удэ.

Глава 10

В самолёте Анна спала так крепко, что не заметила, как пролетели шесть часов пути. Она проснулась только от шума людей, спешащих к выходу. Анна не помнила, когда в последний раз так глубоко спала, полностью отключившись от всего вокруг.

В аэропорту её встретила коренастая женщина, с которой она разговаривала по телефону.

– Анна, здравствуйте, – раздался голос позади. – Я Айнура.

– А как вы меня узнали? – удивилась Анна.

– А вы разве не Анна? – с лёгкой усмешкой спросила женщина.

– Анна, – растерянно подтвердила она.

– Ну раз Анна, то нам пора, машина уже ждёт.

– А больше никого не будет? – встревоженно спросила женщина. – Я думала, это тур, какая-то группа...

– Тебе нужна группа?

– Да вроде нет, – неуверенно ответила та. А про себя подумала: «Я точно сошла с ума – еду не пойми куда, общаюсь не пойми с кем, никто не знает, где я. Даже Алиске не написала, куда поехала. Хотя... она бы точно меня отговорила. Ладно, решила – значит, решила».

– У вас есть вопросы, на которые вы не можете найти ответы, поэтому вы здесь. Бояться – нормально. Ответы могут оказаться совсем не такими, как вы ждёте, – Айнура внимательно посмотрела Анне в глаза, а потом, отведя взгляд, добавила: – Вторая тоже боится.

– Подождите, какая вторая?

– Что? – удивлённо повернулась Айнура.

– Ну, вы говорили про вторую, которая боится...

– Вам показалось, я ничего не говорила. Садитесь, вот наша машина.

***

В другом мире другая Анна почувствовала перемены – как будто воздух стал гуще, а время вязким, как мёд. Обычно жизнь этой вечно сомневающейся, неуверенной Ньюры была для неё лишь фоном, незначительной помехой, которую можно было игнорировать. Но теперь что-то сдвинулось. Миры сближались.

Сегодняшний сон был тому подтверждением.

Она стояла у зеркала, отражение было чуть искажённым, будто в нём пряталась чужая тень. В этом зеркале она видела не только себя, но и ту, другую – Ньюру. Видела, как та бродит по дому, как нерешительно касается старых вещей, как боится заглянуть в собственное прошлое.

– Смешная, – прошептала Анна, – ты даже не знаешь, что держишь в руках ключи от всего рода. Ты боишься собственной тени, а могла бы стать сильной. Но ты не хочешь. Ты не умеешь.

Анна проснулась от того, что руки болели, так сильно она во сне сжала кулаки.

Её злило, что бабушка Полина не выбрала её. Она знала: у неё есть сила, есть воля, есть жажда справедливости. Она могла бы стать настоящей хранительницей, если бы только получила шанс.

В тот день, когда ей удалось занять место Ньюры – пусть всего на несколько минут – она впервые почувствовала вкус настоящей жизни. Всё было ярче, насыщеннее, даже боль – настоящей. Она смеялась, глядя на растерянные лица коллег, чувствовала, как легко может управлять этим миром, если только задержится здесь дольше.

Но удержаться не получилось. Мир вытолкнул её обратно, и она снова оказалась в своём пространстве – пустом, холодном, где всё подчинено строгим правилам. С тех пор она только и думала о том, как вернуться, как остаться, как стать главной.

Теперь же тревога росла.

Анна чувствовала: Ньюра что-то запускает. А если, она наконец проснётся, поймёт, кто она есть на самом деле, и тогда путь будет закрыт навсегда? Но может попробовать действовать

быстро и перехватить инициативу, как это делала бабка Полина, ходившая между мирами, будто между комнатами?

Анна подошла к зеркалу вплотную, от её дыхания запотело стекло.

– Не смей, – прошептала Анна, – не смей просыпаться и мне мешать. Это мой шанс. Я сильнее. Я достойнее.

***

Айнура и Анна ехали в машине уже почти три часа.

За это время пейзаж за окном менялся, словно в калейдоскопе. Сначала дорога вилась среди невысоких холмов, покрытых густой травой и редкими берёзами. Вдали темнели синие горы, их вершины терялись в лёгкой дымке. Иногда встречались небольшие деревни – деревянные дома с резными наличниками, колодцы, стада коров, лениво переходящих дорогу.

Постепенно степь становилась всё просторнее. Ветер гнал по полям серебристую ковыльную волну, а на горизонте появлялись редкие сосны, выстоявшие на ветру. Вдоль дороги стояли обоо – священные кучи камней, украшенные синими и белыми лентами— хадаками, которые трепал ветер. Иногда мелькали озёра, в которых отражалось высокое небо и облака, а воздух был наполнен запахом полыни, свежей травы и чего-то древнего, неуловимого.

Чем дальше они уезжали от города, тем тише становилось вокруг. Только шум колёс, посвисты ветра и редкие крики пролетающих птиц напоминали о движении. Всё вокруг дышало покоем и силой, будто сама земля здесь была живой и внимательной.

Айнура напевала что-то негромко, нараспев, на неизвестном языке. Мелодия была простая, но в ней слышался древний ритм – будто эхо далёких времён.

«Может, это колыбельная?» – подумала Анна, то проваливаясь в забытие под этот тихий, неясный перезвон, то вновь возвращаясь к реальности.

В какой-то момент ей показалось, что она уже не в машине, а где-то совсем в другом времени и месте.

***

Женщина в длинной юбке сидела у окна и пела колыбельную, укачивая на руках младенца.

– Поли, ты молодец, ты выполнила своё назначение.

– Какое назначение? Я заперта тут, с младенцем на руках! Я не знаю, кто её отец, не знаю, что ждёт меня и её. Я не знаю, где мы находимся. Я ничего не знаю. Я только знаю, что ненавижу тебя. Ты... ты погубила меня. Я мечтаю уйти в другой мир, забрать её с собой и не знать тебя, не слышать всех этих историй про древний род, про перерождение. Не видеть больше этих сестёр, не слышать их песен. Вы все не в себе.

Вдруг сцена сменилась: та же женщина, но уже старше, стояла у костра на берегу реки. Черные волосы тугими косами спускаются на плечи. Вокруг неё – другие женщины, они держались за руки и пели, глядя на огонь. Их голоса сливались в один, и казалось, что сама земля подпекает им, унося слова куда-то под облака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.